

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

УДК: 316.7

Н.А. Хренов
Москва

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ П.А. СОРОКИНА: Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ*

В статье анализируется концепция культурно-исторических типов, созданная в XIX в. выдающимся русским мыслителем Н.Я. Данилевским. Она была изложена в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Уже в XIX в. высказанные в ней идеи вызвали дискуссии и расколоты читателей на единомышленников и недоброжелателей. Такое восприятие книги продолжается до сих пор. Автор пытается показать, что в своей книге Н.Я. Данилевский выступил и как культуролог, и как политический мыслитель. Он считает, что концепция культурно-исторических типов стала исходной точкой целой научной парадигмы в истории науки о культуре. Что же касается политических взглядов мыслителя, то они не могут не вызывать критики.

Ключевые слова: проект науки о культуре, культурно-исторические типы, вестернизация, европоцентризм, культурологическая мысль, славянофильство, Россия, Запад, имперский комплекс, история науки, научная парадигма, модерн, германо-романский культурный тип, российский культурно-исторический тип, панславистский проект, славянский мир, вызов истории, геополитика, национальная ментальность.

* Окончание. Начало см. в журнале «Наследие» № 1(10) за 2017 г.

N.A. Hrenov. P.A. Sorokin's predecessors: N.Y. Danilevsky and his theory of cultural and historical types.

The article analyzes the concept of cultural and historical types, created in the 19th century by the Russian thinker N.Y. Danilevsky. It was stated in N. Y. Danilevsky's book «Russia and Europe». In the 19th century the ideas stated in it caused discussions and split readers into adherents and opponents. Such perception of the book still continues. The author tries to show that in the book N. Y. Danilevsky acted both as the culturologist and as the political thinker. He considers that the concept of cultural and historical types has become a starting point of the whole scientific paradigm in the history of science about culture. As for political views of the thinker, they cannot but criticized.

Key words: *project of science about culture, cultural and historical types, westernization, Eurocentrism, culturological thought, Slavophilism, Russia, West, imperial complex, history of science, scientific paradigm, modernity, German and Roman cultural type, Russian cultural and historical type, Pan-Slavism project, Slavic world, history call, geopolitics, national mentality.*

От научной теории к идеологии:

концепция Н. Данилевского как панславистский проект

Вернемся к мысли о несовпадении состояния науки о культуре во времена Н. Данилевского и состояния самосознания русских людей. Историческая рефлексия, следующая философским идеям модерна об истории, расходилась с представлением о реальном месте России и как государства, и как культуры в мировой истории. Это реальное место диктовало и необходимость в развитии не только науки, в том числе, исторической, но и специфической идеологии, касавшейся России и как типа культуры, и как политического образования, т.е. государства. Что же все-таки ощутили западные публицисты и российские либералы в книге Н. Данилевского, что они никак не могли принять?

Это самое неприемлемое содержалось не столько даже в тексте книги Н. Данилевского, сколько в самой реальности, т.е. в ориентациях российской власти. Во-первых, это то, что у Н. Данилевского судьба русского культурно-исторического типа представляла судьбой не только русского, но и всего славянского мира. Тот культурно-исторический тип, что представляла Россия, предполагал единство целой группы народов, которых можно отнести к славянам. Это означает, что в альтернативный Западу мир входила не только Россия, но, например, Польша, Сербия, Болгария, Румыния, Малороссия и т.д. Но известно, что некоторые из этих славянских народов вовсе и не осознавали свою принадлежность к общему славянскому миру, а если и осознавали, то совсем и не стремились к нему присоединиться, разделить с ним общую судьбу. Совсем наоборот: они стремились обрести свою самостоятельность, в том числе политическую, т.е. иметь свою государственность. Более того, некоторые из них скорее тяготели к западному, нежели к славянскому миру.

Примером тут может служить Польша, которая в большей мере, чем все другие славянские народы, тяготела к западному миру, чему способствовало принятие ею католичества. Собственно, Польше Н. Данилевский уделяет достаточно внимания. По мнению ученого, Польша «одна из славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, — а потому и была в течение большей ча-

сти своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началам, стремившимся распространить насилием и соблазном враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России» [Данилевский, 1991, с.314].

Но в сторону Запада постоянно тяготела и Малороссия, которая в конце концов с эпохи Б. Хмельницкого продолжала оставаться в составе России. Хотя она всегда демонстрировала тяготение к Западу, а в последнее время, обретая свою самостоятельность, в том числе и государственную, и вовсе об этом решительно заявила. Поэтому понятно, что такая постановка вопроса Н. Данилевским, т.е. вопроса о судьбе России как судьбе всего славянства, свидетельствовала о том, что взаимоотношения западного культурно-исторического типа со славянским типом мирными быть не могут. Между ними не только может быть состязательность и то, что сегодня называют диалогом, но и возможно столкновение даже в военных формах, что, кстати, предсказывали в XIX в. – и не только Н. Данилевский, но, например, М. Бакунин [Хренов, 2014].

Так, касаясь столкновения «русской идеи» и «европейской идеи», Н. Данилевский пишет: «Борьба с Западом – единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями» [Данилевский, 1991, с.433]. По мнению ученого, восточный вопрос, обострение которого произошло в XIX в. и который связан с войной между Россией и Турцией, уже делает такую постановку вопроса весьма актуальной. Но, как он считает, это столкновение между культурно-историческими типами в будущем приобретет еще большую актуальность. У Н. Данилевского уже проскальзывает и знакомое понятие «врага».

Например, он высказывает такой прогноз: «Положительная оценка тех сил, которыми в данное время может владеть Россия, и сравнение их с силами вероятных врагов наших не может входить в число наших соображений; ибо в этом деле, как само собою разумеется, мы совершенно некомпетентны, да едва ли и кто-нибудь может считать себя компетентным там, где дело идет о мировой борьбе, предстоящей хотя, по всем вероятностям, и в близком, но все-таки в неопределенном будущем» [Данилевский, 1991, с.434].

Мысль о возможном столкновении с Западом, которое, кстати, в XX в. реализовалось в виде двух мировых войн, уже оказывалась реальной и в XIX в. Так, единомышленник Н. Данилевского Н. Страхов, парируя «ученым противникам» Н. Данилевского, которые, как он утверждал, ослеплены болезнью «европейничества», утверждал, что им следовало бы опасаться не за судьбу Запада, который, по их мнению, может погибнуть в результате русского или скифского (что одно и то же) варварства, а за судьбу славянства. Но это опасение у критиков Н. Данилевского из стана западников является ложным. Как у Н. Данилевского, так и у Н. Страхова присутствует вера в исход столкновения в пользу России. «Слушая иного из наших западников, – пишет Н. Страхов, – можно подумать, что говорит не наш соотечественник, а какой-нибудь немец в глубине Германии, которого с детства вместо буки пугали донским казаком и которому Россия является в мифическом образе неодолимого могущества и самого глухого варварства. Не следует ли нам стать на

совершенно другую точку зрения? Почему это мы за Европу боимся, а за Россию у нас нет ни малейшего страха? Когда Н. Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет на нас, как бывало и прежде, но пойдет нашествием еще более грозным и единодушным. Возьмите дело с другой стороны. Перед взорами Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины славянства; давнишний *Drang nach Osten* действовал, наконец, с полною силою и заливал эти равнины огнем и кровью. Он видел в будущем, что его любезным славянам предстоят такие испытания, такие погромы, перед которыми ничто Бородинская битва и Севастопольский погром» [Страхов, 1889, с.207].

Собственно, и выступающий с критикой идеи Н. Данилевского В. Соловьев приходил к выводу, что из суждений Н. Данилевского вытекает напряженность военного столкновения между Россией и Европой. «По теории Данилевского, – пишет В. Соловьев, – славянство, будучи последним в ряду преемственных культурно-исторических типов, и притом самым полным (четырёхосновным), должно прийти на смену прочих, частью отживших, частью отживающих типов (Европа); славянский мир есть море, в котором должны слиться все потоки истории – этой мыслью Данилевский заканчивает свою книгу, это есть последнее слово всех его рассуждений. Слияние же исторических потоков в славянском море должно произойти не иначе как посредством великой войны между Россией и Европой» [Соловьев, 1889, с.358].

Удивительно, но ведь «великая война» между Россией и Западом позднее все-таки произойдет. Следовательно, как бы ни солидаризироваться с В. Соловьевым, все же приходится констатировать, что данный Н. Данилевским прогноз такой войны подтвердился. Значит, какая-то истина в его сочинении все-таки имеет место. Видимо, если с точки зрения XIX в. кое-кому это казалось абсурдом, то с точки зрения XX-го и тем более XXI в. вытекающие из сочинения Н. Данилевского подобные прогнозы стали реальностью. Собственно, если Россия действительно, как утверждает Н. Данилевский, особый культурно-исторический тип, то такое столкновение именно этим и программируется. Рано или поздно Россия или погибнет, если отклонится от той логики, что продиктована реальностью культурно-исторического типа, или в состязании с Западом выиграет, окажется победительницей. Другого выхода у нее уже не будет. Такова судьба России. «Не надо себя обманывать, – категорично формулирует Н. Данилевский, – враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолубии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах» [Данилевский, 1991, с.401].

Раз Запад воспринимает Россию с тех пор, как она предстала перед ним особым культурно-историческим типом, «своим естественным прирожденным врагом», то будущее России предстает такой вот жесткой альтернативой. «Если Россия не поймет своего назначения, ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Постепенно умаяясь в своей исторической роли, ей придется склонить голову перед требованиями Европы, которая не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит (смотря по обстоятельствам, в той или другой форме) оплоты против связи ее с западными славянскими родичами; но, с одной стороны, при помощи турецких, немецких, мадьярских, итальянских, польских, греческих, может быть,

и румынских пособников своих, всегда готовых разьедасть несплоченное славянское тело, с другой – своими политическими и цивилизационными соблазнами до того выветрит самую душу славянства, что оно распустится, растворится в европействе и только утучнит собою его почву. А России, – не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, – ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распустится в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа» [Данилевский, 1991, с.402].

Неизбежность столкновения становится реальной особенно в том случае, если под русским культурно-историческим типом иметь в виду не только Россию, но и остальные испытывающие пропаганду со стороны Запада славянские народы. Борьба с Западом – это, в том числе, и борьба за влияние на славянские народы, оказавшиеся между Россией и Западом и не всегда четко осознающие свои исторические перспективы, а с точки зрения Н. Данилевского, они, эти перспективы, вполне определенные. Таким образом, появившийся на арене истории новый культурно-исторический тип, к которому относится Россия, как, впрочем, и остальные славянские народы, обретает свое место в том раскладе сил, который для XIX в. актуален. Место России найдено. Остается лишь его утверждать и поддерживать, что, как это вытекает из книги Н. Данилевского, далеко не столь простой вопрос. Ведь каждое проявление самостоятельности России не может не наталкиваться на табу, утвердившееся в результате интересов западных стран, в том числе с помощью научных дискурсов.

Это существенный вопрос, поскольку история свидетельствует: Запад – это не только один из культурно-исторических типов, а такой тип, который многое в истории определяет и который многое в мире контролирует. Если он имеет свои интересы, то он будет их отстаивать и уж во всяком случае не будет поощрять расширение влияния соперников. Такова реальность. Так получается, что интересы России – это интересы всего славянского мира, всех славянских народов. И, следовательно, история становления славянского культурно-исторического типа будет явно драматической историей столкновения интересов, когда взаимоотношения между культурно-историческими типами будут разворачиваться не только в форме мирного диалога. Предстоит бороться за то, чтобы каждый славянский народ ощущал свою прямую причастность к общему славянскому миру. Тем более что некоторые славянские народы в политическом отношении еще не успели стать самостоятельными, т.е. не обрели еще своей государственности, и, следовательно, волей-неволей им приходится в этом смысле быть зависимыми от России, которая, как известно, не только обладает политической самостоятельностью, но и является одним из самых сильных государств мира, имеющим огромную армию, способную прийти на помощь любому народу, которому угрожает потеря самостоятельности.

Очень бы хотелось, чтобы Россия и Запад как разные культурно-исторические типы со свойственной каждому из них ментальностью и как имеющие свои интересы, создающие атмосферу взаимоотношений, которую можно назвать состязательностью, так бы и оставались на уровне этой состязательности, говоря иначе, чтобы их отношения разворачивались в мирных формах. Но так ведь не получается.

Так не было в истории, и так, как мы все ощущаем, не получается и сегодня. Тем не менее в сочинении Н. Данилевского есть место, напоминающее то, что сегодня неоднократно повторяет В. Путин. Прочитируем это место. «В продолжение этой книги мы постоянно проводим мысль, – пишет Н. Данилевский, – что Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное; что ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны. Из этого, однако, еще не следует, чтобы мы могли или должны были прервать всякие сношения с Европой, оградить себя от нее Китайской стеной; это не только невозможно, но было бы даже вредно, если бы и было возможно. Всякого рода сношения наши с нею неизбежно должны быть близкие; они только не должны быть интимными, родственными, задушевными. В политическом отношении не может быть другого правила, как око за око, зуб за зуб, – отмеривание тою же мерою, которую нам мерят» [Данилевский, 1991, с.440]. С этой мыслью следовало бы согласиться.

Культурно-исторический тип с точки зрения
внешнего и внутреннего Вызовов:
отношения между государством, культурой и свободой

Конечно, как бы сочинение Н. Данилевского ни хотелось осмыслить безотносительно к ситуации начала XXI в., это все же не получается. Не получается, поскольку в истории взаимоотношений России и Запада многое повторяется. Повторяется то, что в свое время фиксировал Н. Данилевский. Его книга дает какой-то ключ и к пониманию современности. Ведь очевидно, что если с точки зрения науки о культуре научный аспект книги приемлем и представляет значительный вклад в науку, то что касается аспекта идеологического – он оказался все же теоретическим. Можно констатировать, что в некоторых своих аспектах он пока демонстрирует несостоятельность. Дело тут, конечно, уже не только в давлении германо-романского типа на тип славянский. В этом-то ученый как раз не ошибся. Это давление является реальным Вызовом, не позволяющим панславистскому проекту реализоваться, хотя значимость этого обстоятельства невозможно преуменьшать. Ведь смысл книги как раз с этим обстоятельством и связан.

Дело, однако, еще и в каких-то внутренних для российского культурно-исторического типа помехах. То недоверие, которое до сих пор испытывают к России представители германо-романского типа, что, как показал Н. Данилевский, естественно, оказывается реальным не только для народов, представляющих западный культурно-исторический тип, но и для некоторых славянских народов. Даже если считать, что сложившаяся после Второй мировой войны ситуация способствовала объединению стран Восточной Европы и включению их в социалистический лагерь, все равно в начале XXI в. приходится констатировать, что даже это продвижение в сторону прогнозируемого Н. Данилевским Всеславянского союза оказалось временным. Недоверие к России со стороны некоторых славянских народов по-прежнему имеет место.

Это обстоятельство позволяет поставить вопрос так: не существует ли в российском культурно-историческом типе какой-то внутренней причины, не только способствующей объединению славян, но и ему противодействующей? В этом случае важно

«Наследие» № 2 (11) (2017) фиксировать то, что можно было бы обозначить для этого культурно-исторического типа как внутренний Вызов. Так возникает необходимость обсуждения вопроса о свободе, а следовательно, о соотношении в каждом культурно-историческом типе политического и духовного аспектов. В данном случае возникает необходимость значимости духовного и, соответственно, культурного фактора в функционировании культурно-исторического типа. Все-таки решение лишь одного фактора – политического – явно недостаточно для идеального функционирования культурно-исторического типа. Тем более что под политическим фактором следует подразумевать имперский комплекс России, которого Н. Данилевский не касается.

Сложность в оценке идей Н. Данилевского, как и негативные их оценки со стороны мыслящих людей XIX в., проистекает из того, что у самого Н. Данилевского, как патриота России, оказывается в тени. В тени же оказывается все-таки значимость культурного фактора, что естественно в тот период в истории науки, когда культурологическая рефлексия находится в самом начале своего развития. Когда Н. Данилевский говорит о преимуществе России перед другими славянскими народами, то на первый план он выдвигает политический аспект, т.е. наличие мощного государства, не только способного, как утверждал Гегель, быть гарантом свободы, но и способного этой свободы лишить. Иначе говоря, если выражаться, используя терминологию А. Тойнби – более близкого нам ученого, представляющего научную парадигму, у истоков которой стоял Н. Данилевский, это самое мощное государство может предстать тоже таким же Вызовом, как и враждебно настроенные по отношению к России государства. Только эти государства представляют внешний Вызов, а собственное государство может выступать как Вызов внутренний и не всегда именно как Вызов осознаваемый.

В XX в. эта латентная функция государства проявилась в полной мере. Она-то и позволяет прочитывать сочинение Н. Данилевского, принимая во внимание то, что в функционировании государства длительное время оставалось латентным, а ныне стало явным. Способность государства быть Вызовом Н. Данилевский не обсуждает, поскольку верит в иное предназначение России. Но вера не упраздняет реального положения дел и необходимость трезвого анализа ситуации. «Удел России, – пишет Н. Данилевский, – удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: Македонии, Риму, арабам, монголам, государствам германо-романского мира, – а освобождать и восстанавливать; и в этом дивном, едва ли не единственном совпадении нравственных побуждений и обязанностей с политической выгодой и необходимостью нельзя не видеть залога исполнения ее великих судеб, если только мир наш не жалкое сцепление случайностей, а отражение высшего разума, правды и благодати» [Данилевский, 1991, с.401].

Ведь что пугало представителей Запада и отечественных либеральных публицистов, когда они принимали участие в дискуссиях по поводу книги Н. Данилевского? То, что благая идея, замечательный проект функционирования российского культурно-исторического типа опирается на политический фундамент, которым оказывается империя. Как культурно-исторический тип Россия существует не в вакууме. Проблемы России не ограничиваются научными проблемами. Россия существует в реальности, в политической реальности. Эта реальность свидетельствует о том, что

становление российского культурно-исторического типа происходит в конкретных политических формах, а именно в имперских формах. Поскольку же речь идет об империи, то, следовательно, и о территориальном расширении, поскольку наиболее репрезентативным импульсом всякой империи является расширение ее в пространстве. Независимо от того, реализует власть в России этот комплекс в жизни или не реализует, поскольку Россия – это империя, то, следовательно, из этого вытекают и ее пространственные амбиции. Как бы Н. Данилевский эту мысль в своей книге ни оспаривал, она, конечно, помимо выводов ученого приходит в сознание и о себе заявляет.

Впрочем, не совсем так. Становясь, в том числе, и имперским проектом, учение о существовании культурно-исторических типов Н. Данилевского предполагает и присущее каждой империи пространственное распространение. У ученого эта мысль возникает, когда, констатируя наличие в западном мире имперского комплекса, он в качестве альтернативы ставит вопрос и о расширении геополитического влияния России. Если у него германо-романский мир предстает наследником Древнего Рима с его территориальными амбициями, что проявлялось еще в эпоху Карла Великого, предпринимавшего усилия по объединению разных племен и этносов, еще недавно называемых варварами, то такого же предшественника в древней истории Н. Данилевский находит и славянскому культурно-историческому типу. Таким предшественником славянского мира Н. Данилевский мыслит Византию. Раз, по мнению Н. Данилевского, славянский культурно-исторический тип отстал по сравнению с западным миром на четыре столетия, то необходимо ускорить процесс его роста. Он пишет: «Что касается вообще до возраста славянской культуры, взятого сравнительно с возрастом европейской, то промежуток времени, протекший с выступления германских народов из периода их этнографической жизни в период исторический, превосходит четырьмя столетиями исторический период жизни славянских государств» [Данилевский, 1991, с.493].

Что следовало бы предпринять, чтобы усилить авторитет и, конечно, мощь России как альтернативного по отношению к германо-романскому культурно-историческому типу, способного противостоять давлению этого типа и, следовательно, не допускающего растворения в чужом типе? Вот тут-то как раз в учении Н. Данилевского и проявляется приверженность имперскому комплексу. России, как он утверждает, следует осознать ту историческую преемственность, которая во многом самобытность того культурно-исторического типа, которым, собственно, она и является, и определяет. Под этой преемственностью он предполагает родство России с Византией. Родство и в самом деле имеет место. Вот как эта преемственность представляется Н. Данилевскому. «Царство Филиппа и Константина воскресло на обширных равнинах России. Возобновленная Карлом Западная Римская империя германской национальности, которой в наши дни соответствует политическая система европейских государств, из нее родившаяся, получила себе противовес в возобновленной Иоаннами, Петром и Екатериной Восточной Римской империи славянской национальности, хотя еще и не достигшей своего полного роста, еще не показавшей Европе – “каждому по заслугам”» [Данилевский, 1991, с.322].

Как утверждает ученый, в реальности эта идея в России зародилась уже давно, а окончательно определилась в сознании Екатерины II и ее министра Потемкина

«Наследие» № 2 (11) (2017) Таврического. Вот тогда-то, когда на Западе это поняли, отношения между Западом и Турцией кардинально изменились. Последняя на Западе ассоциировалась уже не с магометанством, в котором Запад ощущал своего врага. Западом Турция мыслилась как возможный посредник между ним и Россией, причем агрессивный посредник, проявляющий себя уже как Вызов. По отношению к России Вызов был со стороны даже не Турции, а Запада, использующего Турцию в качестве давления на Россию. Вот почему в Крымской войне 1864 г. Запад взял сторону уже не России, как вроде бы следовало ожидать от него как бывшего члена возникшего в александровскую эпоху Священного союза, а именно Турции. Для Н. Данилевского этот перевертыш со стороны Запада, проявившийся во время Крымской войны, стал, собственно, основой возникновения его учения. Для ученого именно он прояснил смысл отношений между Россией и Западом.

Но раз на Западе имеет место то, что ученый называет «напором», «напором» Запада на Восток, то, следовательно, Россия, как альтернативный культурно-исторический тип, имеющий свои интересы, должна продемонстрировать отпор Востока Западу. А как же, ведь Н. Данилевский не случайно формулирует: «око за око, зуб за зуб». Но, чтобы дать такой отпор, необходимо осознать преемственность в истории, т.е. полученную Россией от Византии эстафету, которая первоначально императором Юстинианом мыслилась как продолжение Римской империи. Насчитывая в истории отношений между Россией и Западом несколько периодов, Н. Данилевский полагал, что наконец-то в этих отношениях наступил третий период. «Третий период, – пишет он, – в который вступил восточный вопрос с зарождением мысли о возобновлении Восточной империи, должен быть назван временем отпора Востока Западу, отпора славяно-греческого мира миру германо-романскому, отпора, который с воцарением великой императрицы начался на всех пунктах пограничной линии, но увенчался полным успехом пока только на севере» [Данилевский, 1991, с.322].

Но осознание Россией себя как продолжателя геополитических ориентаций Византии приводит Н. Данилевского к обсуждению вопроса о Константинополе. Здесь вопрос об исторической преемственности опять же смыкается с имперским комплексом распространения в геополитическом пространстве. В связи с этим на страницах книги возникает мотив сияния «нами воздвигнутого креста на куполе святой Софии». Ученый рассуждает о возможном для России обладании Константинополем. Более того, о Константинополе как возможной новой столице российской империи. Наконец-то осуществляется предсказание, что было начертано на привезенной в Константинополь из Антиохии бронзовой статуе, изображавшей не то Иисуса Навина, не то Беллерофонта. Это предсказание, как констатирует Э. Гиббон, означало уверенность в том, что русские в конце концов овладеют Константинополем [Гиббон, 2008, с.290].

Так в книге появляется тема смены местоположения столицы русской империи. Переходя от обсуждения переноса столицы России из Москвы в Петербург, Н. Данилевский приходит к теме «притягательной силы Константинополя». «Цель стремлений русского народа с самой зари его государственности, идеал просвещения, славы, роскоши и величия для наших предков, центр православия, яблоко раздора между нами и Европой, – какое историческое значение имел бы для нас Константинополь, вырванный из рук турок вопреки всей Европе! Каким дух захватывающим

восторгом наполнило бы наши сердца сияние нами воздвигнутого креста на куполе святой Софии» [Данилевский, 1991, с.383].

Но, слава богу, размечтавшись, сам Н. Данилевский тут же и обосновывает отказ от примечтавшегося ему русского Константинополя. Нет, в данном случае не о России он печется. Не России нужен Константинополь, который, будь он ее новой столицей, еще более мог бы укрепить ее имперскую мощь. От мысли видеть Константинополь столицей России он отрекается. Для него этот вопрос актуален в связи с необходимостью объединения народов в форме Всеславянского союза. Ученый печется не о России, а о Всеславянском союзе, который должен обязательно возникнуть. Лишь представая символом этого союза, Константинополь вновь становится центром мира, каким он и был в Средние века.

Собственно, именно то обстоятельство, что имперские амбиции, независимо от того, у какого народа они имеются, могут привести к военному столкновению, конечно, пугало и провоцировало страхи. Тем более, что уже имперский проект в наполеоновском варианте, а ведь в нем ставилась задача объединения всех европейских народов, заставлял мыслить и проводить аналогии. Получается, что от России реализации имперского комплекса еще только ожидали, а вот Запад уже успел его продемонстрировать в ходе наполеоновских войн. Но Запад это демонстрировал уже в эпоху Карла Великого, стремившегося объединить европейские народы и создать имперское образование по типу Древнего Рима. Но этот комплекс Запад демонстрирует и в XX в. в форме немецкой империи Гитлера. Да, собственно, и сегодня усилия по расширению и укреплению Европейского союза тоже могут привести к гальванизации этого приговоренного историей политического трупа. Кстати, наполеоновский проект был далек от того федеративного устройства во взаимоотношениях между государствами, которое для Н. Данилевского было идеалом применительно к славянскому миру. Но ведь именно Запад демонстрирует реализацию имперского комплекса не только в XIX, но уже и в XX в., если иметь в виду замышляемый Гитлером имперский проект, который реализовался уже с помощью военного вторжения, причем, в том числе, применительно к странам, входившим в европейский культурно-исторический тип.

Таким образом, в теории Н. Данилевского два аспекта – российский культурно-исторический тип как тип общеславянский и культурно-исторический тип, становление которого развертывается в политических границах империи, – диктуют особую постановку вопроса в осмыслении его концепции. Она, конечно, может прочитываться не только как чисто научная концепция. Она способна повернуться своей политической стороной. Иначе говоря, она прочитывается как наука, трансформирующаяся в идеологию, идеологию становления и функционирования и России, и всего славянского культурно-исторического типа. Эту идеологию обычно обозначают как панславизм. Поэтому в связи с книгой Н.Я. Данилевского возникает проблема «Концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского: проект новой науки или милитаристский дискурс».

Поскольку концепция Н. Данилевского – это не только научная доктрина, научная парадигма, но одновременно и идеология, комментарий к функционированию России в форме империи, она сегодня не может быть безоговорочно принятой. Она требует тщательного анализа. При этом анализе, конечно, нельзя эту концепцию,

выступающую в форме идеологии, соотносить с теми историческими процессами, что в России разворачивались уже после появления книги Н. Данилевского, но что в его идеях уже как бы подразумевалось. Здесь необходимо поставить вопрос о том, подтвердила ли последующая история России, и, в частности, история XX в., те идеи, что были высказаны Н. Данилевским. Были ли прозрения ученого лишь обращенными в прошлое или же они предвосхищали последующие драматические события этой истории?

Какой ответ на этот вопрос ни давать, очевидно, что в последующей истории проект Н. Данилевского в некоторых его пунктах не только не подтверждался, но и опровергался. Даже если книгу Н. Данилевского прочитывать как обращение в будущее, прогноз утверждения российского или славянского культурно-исторического типа и верить в его осуществление, то все равно нельзя не отметить и уязвимых его сторон. Начнем фиксировать его уязвимые моменты с частной темы. Например, с утверждения по поводу того, что в России революции исключаются. Н. Данилевский, объясняя этот тезис, исходит из специфической ментальности русских. «Те же выше перечисленные свойства русского народа составляют внутреннюю причину того, — пишет он, — что Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословиям или всею массою граждан, изгнание законно царствующей династии и замещение ее другою» [Данилевский, 1991, с.488].

С точки зрения русского человека начала XXI в., пережившего колоссальные потрясения, т.е. три революции, гражданскую войну, красный террор и связанные с революциями две мировые войны, такое утверждение представляется крайне наивным. Впрочем, такое же непонимание присуще не только Н. Данилевскому, но и его въедливому критику В. Соловьеву, считавшему идею культурно-исторических типов несостоятельной. Отрицая возможность отождествления России с особым культурно-историческим типом и полагая, что Россия — часть европейского мира, в которой ничего значительного помимо западного влияния не создается, В. Соловьев, например, утверждал, что в этом нет ничего оскорбительного и обидного. При этом он ссылается на Китай, который, по его мнению, не одарил и «наверное, не одарит мир никакой высокой идеей и никаким великим подвигом» [Соловьев, 1989, с.341].

Но вообще-то суждение Н. Данилевского о несовместимости русского народа и революции нельзя отнести к суждениям по поводу частностей. Может быть, это опрометчивое суждение является ключом к разгадке того, почему же сделанный в XIX в. прогноз становления русского и славянского культурно-исторического типа до сих пор не осуществился. И более того, можно даже приводить доводы, свидетельствующие о том, что этот проект и не мог осуществиться, а может быть, он и вообще ошибочен. Это вовсе не ведет к скепсису по поводу научного открытия Н. Данилевского, т.е. реальности культурно-исторических типов. Такой скепсис касается лишь сочинения Н. Данилевского, прочитываемого и реализуемого исключительно как милитаристский дискурс. Не удивительно, что, критикуя теорию культурно-исторических типов, В. Соловьев находит одно из уязвимых мест в теории

Н. Данилевского. Ведь очевидно же, что Россия двигалась к одной из самых разрушительных революций в мировой истории. Уже в период написания книги она переживала надлом. Между тем все эти вопросы Н. Данилевский обходит. «Можно признать в духовном складе русского народа задатки или возможности лучшего общественного строя, – пишет В. Соловьев, полемизируя с Н. Данилевским, – но никаких условий для перехода этих возможностей в действительность – ни в современной жизни, ни в теории нашего автора – мы не найдем» [Соловьев, 1989, с.341].

Последующая история продемонстрировала способность русских не только к революции, но и к революции в ее наиболее разрушительных и беспощадных формах. Но, конечно, основной тезис ученого, касающийся того, что Россия и Запад представляют разные культурно-исторические типы с присущими им типами ментальности, следует считать наиболее продуктивным, как продуктивна и вообще идея морфологии всемирной истории, состоящей из разных культурно-исторических типов. Сегодня эти идеи Н. Данилевского можно высоко оценить именно как научные идеи. А вот в отношении всего, что касается понимания этой научной теории как политической идеологии, то здесь, конечно, необходима критическая оценка книги. Так, пока объединить славянский мир России не удастся, несмотря на то, что в этом направлении многое предпринималось.

В этом плане может быть рассмотрена и деятельность Сталина после Второй мировой войны, и его попытка объединения славянских народов. Кстати, имя вождя в связи с идеей Н. Данилевского нельзя не упомянуть еще и по той причине, что именно ему принадлежит идея восстановления империи уже в советский период по византийскому образцу. А ведь Н. Данилевский как раз и пытается вернуть Россию к этой традиции. Кто, как не он, обязывает говорить о той исторической преемственности, которая связана с отношениями между Россией и Византией. Однако результаты усилий Сталина получились не слишком успешными, можно даже сказать, провальными. Более того, этот опыт многие народы даже отпугнул от России. Конечно, здесь, видимо, причина кроется в том, что вместо Всеславянского союза Сталин этим народам навязывал тот стиль жизни, который был продиктован создаваемым им вариантом империи. Практика империи в ее сталинских формах не столько притягивала к России славянские народы, сколько отпугивала их.

В этом смысле актуальна мысль о покаянии русских, которая может раздражать наших отечественных консерваторов, когда они об этом слышат. Почему же вопрос о покаянии так пугает? Ведь даже славянофилы и, в частности, А. Хомяков вопрос о покаянии ставили. Так, Н. Бердяев утверждает, что А. Хомяков ощущал грехи России, особенно петровского периода, поскольку именно тогда, по мнению Н. Бердяева, начались увлечение абсолютизмом и империализмом и измена исконным русским началам [Бердяев, 1996, с.116]. Тема покаяния, начатая А. Хомяковым, все еще не утратила своей актуальности. Пока Россия сохраняет имперский комплекс, она будет актуальной. Критикуя имперский комплекс, А. Солженицын писал: «Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались они с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель...» [Солженицын, 1995а, с.542]. Как убежден писатель, имперский комплекс становится причиной наших грехов. И вновь, как впервые это сделал А. Хомяков, А. Солженицын поднимает тему покаяния, доказывая, что потребность в покаянии представляет природную склонность русских.

«Дар раскаяния был послан нам щедро, когда-то он заливал собою обширную долю русской натуры. Не случайно так высоко стоял в нашей годовой череде прощенный день. В дальнем прошлом (до XVII в.) Россия так богата была движениями покаяния, что оно выступало среди ведущих русских национальных черт» [Солженицын, 1995б, с.59].

Однако, по мысли писателя, с эпохи Петра I началось подавление русского духа и, соответственно, ослабление способности к покаянию. В этом смысле из этой ментальности выпадает весь петербургский период в истории России, который писателем назван периодом «внешнего величия» и «имперского чванства». Следующим периодом, неблагоприятным для покаяния, был большевистский период. Писатель предупреждает: если не вернуть это важное свойство русской ментальности, то России не жить. «В советский период еще раздулась и еще слепее стала заносчивость предыдущего петербургского периода. И так все далее от раскаянного сознания это уводило нас, что не легко убедить, заставить внять наших соотечественников, что ныне мы, россияне, не во славе сияющей несемся по небу, но сидим потерянные на обугленном духовном пепелище. И если не вернем себе дара раскаяния, то погибнет и наша страна, и увлечет за собою весь мир» [Солженицын, 1995б, с.64].

Конечно, к этому суждению писателя следовало бы прислушаться. Но вот что любопытно. На протяжении двух десятилетий, начиная с середины 80-х гг. прошлого века, Россия преодолевала имперский комплекс и только то и делала, что занималась самокритикой и признанием своих грехов. Но по истечении этих двух десятилетий мы, русские люди, убеждаемся, что наша открытость и готовность к покаянию привели лишь к одному – еще большему неприятию уже не советской империи, а России. Русские люди верили, что их поддержат, поймут и они снова могут стать братьями. Но сегодня очевидно – братства не получается. Россия чувствует себя обманутой. Вот и получается: ох, как прав А. Солженицын, призывая к покаянию. Грехов накоплено много. Но если сегодня это чувство покаяния угасает, то не является ли причиной снова интерес и прагматизм Запада, которому дело только до себя. Невольно возникает вопрос о том, что некоторые суждения Н. Данилевского тоже не совсем уж такие ошибочные.

Покаяние вытекает из того, что в России идея становления культурно-исторического типа до сих пор реализовывалась в формах имперских, что, конечно, не могло не отпугивать. Имперский комплекс диктовал давление на духовную атмосферу, предполагал политическую цензуру, означал сопротивление развитию духовной культуры. Что уж говорить о многих жертвах, о которых в своем «Архипелаге ГУЛАГ» пишет А. Солженицын. Собственно, все это свидетельствует о том, что культурно-исторический тип и политическая система в форме империи являются несовместимыми. Но даже если это соединение в истории и имеет место, то, видимо, его следует понимать как временное явление. На каком-то этапе становления культурно-исторического типа политическое и государственное устройство в форме империи вполне возможно и допустимо. Но если такая форма сохраняется длительное время, то свободному проявлению личности и тех народов, что вместе с Россией образуют единый лагерь, она мешает. А что уж говорить о тех славянских народах, которые не являются частью России, а лишь могут входить в то образование, которое Н. Данилевский называет Всеславянским союзом.

Следовательно, такое позитивное качество культурно-исторического типа, как политическая самостоятельность, которая на какое-то время становится необходимостью, может обернуться и негативной своей стороной. Сам Н. Данилевский, который, касаясь России, обсуждает вопрос о доминировании какого-то одного вида деятельности (политической, экономической, культурной, художественной и т.д.) в разных культурно-исторических типах, пишет, что государственно-политическая деятельность в своих гипертрофированных формах, возникшая в результате внешних вызовов, какое-то время мешала успешному развитию научной и художественной деятельности. Это констатирует и Н. Бердяев. Касаясь причин отсталости русского просвещения допетровской России, философ пишет: «Нужно признать характерным свойством русской истории, что в ней долгое время силы русского народа оставались как бы в потенциальном, не актуализированном состоянии. Русский народ был подавлен огромной тратой сил, которой требовали размеры русского государства. Государство крепло, народ хирел, говорит Ключевский» [Бердяев, 1997, с.6].

Это не означает, что такая ситуация была всегда и всегда такой останется. По мере ослабления государственного давления активизируются и культурная, и художественная деятельность. Констатируя давление политической деятельности, поглощающей все духовные и физические силы народа и противодействующей развитию деятельности культурной и художественной, Н. Данилевский пишет: «Эта напряженная государственная деятельность времен Московского государства еще усилилась Петровскою реформою, существенный характер которой был чисто политическо-государственный, а вовсе не культурный. В сущности, все было принесено в жертву государству, как оно и необходимо было по потребности времени» [Данилевский, 1991, с.497]. Он даже приходит к выводу о том, что Петровская реформа истинному культурному развитию была более препятствием, нежели содействием. Правда, это состояние ученый оправдывает тем, что для России усиление государственности было спасительным. Более того, именно это и послужило основой для последующего культурного и художественного развития, о чем свидетельствует уже и XIX в. Но то, что, по мысли ученого, такая ситуация является временной, не упраздняет проблемы. Как говорится, ничто не является таким вечным, как временное. Так произошло в России и с империей, с которой, как оказывается, так трудно расстаться. Имперская форма государственности не только не способствует становлению культурно-исторического типа, но и мешает ему, компрометирует утверждаемые этим типом идеалы.

Конечно, Н. Данилевский в связи с культурно-историческим типом не обходит и вопрос о свободе. В качестве одного из удачных аргументов в этом смысле он приводит освобождение России от крепостного права. Начавшееся продвижение России в сторону свободы и в XIX, и в XX в. постоянно сменялось периодами ее ущемления. Вот это имперское начало и мешало утверждению российского культурно-исторического типа в его идеальной форме. А что уж говорить обо всем славянском мире. Конечно, в данном случае можно было бы вопрос ставить так: являются ли причиной трудностей объединения славянских народов лишь имперские ориентации российской власти, ущемляющей свободу, или же причиной является ментальность русского народа, диктующая особое понимание свободы? Хотя в данном случае можно было бы утверждать, что той форме власти, которая имела место в России,

мы обязаны и народу. Ведь, как говорится, каждый народ имеет такую власть, какую заслуживает или, иначе говоря, которая им допускается. Здесь следует говорить уже о психологии, т.е. ментальности народа.

Кстати, Н. Данилевский этот вопрос не обходит. У него речь идет о способности русского народа к свободе. Известно, что недостаток в России свободы обычно объясняют или тем, что рабство является естественной стихией русских, или опасением, что свобода может привести к разного рода излишествах, вседозволенности и злоупотреблениям, что мы сегодня и наблюдаем. Что же касается Н. Данилевского, то ответ на этот вопрос у него такой: «Но на основании фактов русской истории и знакомства с воззрениями и свойствами русского народа можно составить себе только диаметрально противоположное этому взгляду мнение: именно, что едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею» [Данилевский, 1991, с.487].

Продолжая свою мысль, ученый констатирует отсутствие в этом народе властолюбия и, наоборот, наличие на Западе страсти к свободе, нередко демонстрирующей именно это самое властолюбие. «Это, – пишет Н. Данилевский, – основывается на следующих свойствах, присущих русскому человеку: на его умении и привычке повиноваться, на его уважении и доверенности к власти, на отсутствии в нем властолюбия и на его отвращении вмешиваться в то, в чем он считает себя некомпетентным; а если вникнуть в причины всех политических смут у разных народов, то корнем их окажется не собственно стремление к свободе, а именно властолюбие и тщеславная страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий. Как крупные события русской истории, так и ежедневные события русской жизни одинаково подтверждают эти черты русского народного характера» [Данилевский, 1991, с.487].

Конечно, эти суждения Н. Данилевского с точки зрения XXI в. звучат неубедительно. Ведь на протяжении лишь XX в. русский народ явился не только свидетелем, но и активным участником революционного упразднения империи. Повторим еще раз: историческая реальность XX в. опровергла суждение Н. Данилевского о неорганичности революции для ментальности русского народа. Первый раз взрыв *ressentiment* произошел в 1917 г., когда империя в ее традиционной форме в России приказала долго жить. Конечно, распадаясь, империя в постреволюционную эпоху возродилась в гораздо более жесткой форме. Но и она оказалась недолговечной. Второй взрыв *ressentiment* произошел в 1991 г., когда империя лишилась многих своих территорий и вообще, казалось бы, исчезла как политическое устройство. Происходило это не вопреки желанию народа, а при самом активном его участии. В том и в другом случае эта акция разрушения империи демонстрирует наличие Вызова не со стороны враждебных государств. Это внутренний Вызов. Собственно, он подводит и к пониманию причины трудностей с укреплением единства славянского мира.

Таким образом, можно ли считать, что в силу причин внешних (давление германо-романского культурно-исторического типа) и причин внутренних (недостаток свободы в силу сохранения верности имперскому идеалу) предлагаемый Н. Данилевским проект, как и его научная теория в целом являются несостоятельными и в силу этого не поддающимися их проведению в жизнь? На этот вопрос можно ответить так. Сама идея существования культурно-исторического типа (и, в частности,

русского культурно-исторического типа), ради обоснования которого ученым предпринимается в этом направлении морфология мировой истории, не является ложной и несостоятельной. Приходится констатировать, что в ходе реализации она была извращена, и именно потому, что ее реализация происходила в форме империи. На основании этого нашего вывода можно утверждать, что реальность преподавала России урок на все времена. При реализации духовного потенциала, что присуще тому или иному культурно-историческому типу, необходимо опираться не только на политическую основу, тем более в ее имперской форме, но и на основу духовную, культурную и религиозную. Лишь в этом случае идея истории как становления разных культурно-исторических типов может приобрести консолидирующий смысл.

Как же в новой ситуации, когда вновь возникает напряженность, связанная, в частности, со стремлением Украины примкнуть к Западу и наконец-то окончательно порвать с Россией (что можно было фиксировать в ее ориентациях и раньше, но не в такой решительной форме), действовать России? Тут уж не до прогнозов. Остается лишь наблюдать и стараться осмыслить то, что становится уже реальностью. Резкий поворот России в сторону Востока и, следовательно, реанимация в последние годы идей евразийцев, возможно, свидетельствуют о полной утрате доверия российской власти к Западу. В стремлении перетянуть на свою сторону славянские народы Запад оказывается более искусным, а предпринимаемые им в этом направлении усилия – более эффективными, чем те, которыми пользуется российская власть. Но дело, конечно, не только в действиях Запада, преуспевшего в процессах демократизации, но и в его духовных ценностях, в его образе жизни, который уже сам по себе оказывается гораздо более притягательным, чем то, что могла предложить Россия, постоянно реабилитирующая имперский комплекс.

С середины 80-х гг. прошлого века, когда началась горбачевская оттепель, России выпал еще один шанс разорвать с империей и организовать жизнь по-своему. Однако зоологическая страсть к личному обогащению, в том числе и со стороны самих либералов, помешала конструктивным реформам. Между прочим, вакханалия коррупции есть выражение духа той фазы в становлении культурно-исторического типа, что обозначается как надлом. Мы этим шансом не воспользовались. Общение с другими народами разворачивалось преимущественно на экономическом, предпринимательском уровне. Это очень печально. То обстоятельство, что реабилитация капитализма в России обернулась вакханалией личного обогащения, что привело к понижению государственного авторитета и к упадку духовной культуры как следствию провальных действий власти в сфере культуры, не может служить оправданием. Престиж России и ее авторитет среди других народов, в том числе и славянских, зависит не только от степени вооруженности, но и от уровня культуры.

Но, как свидетельствуют события последних лет, Россия все еще остается во власти имперских ориентаций. А именно они и приводят к еще более резкому расхождению ее с Западом. Тогда и в самом деле остается уповать лишь на Восток. В этом новом для России направлении возникает ситуация неопределенности и непредсказуемости. Прискорбно констатировать, что Россия сегодня оказалась в ситуации, близкой к той, в которой всегда пребывала Украина, которая постоянно разрывалась между Россией и Западом. Подобно Украине, мы сегодня шарахаемся от Запада в сторону Востока, что уже тоже имело место в истории России [Хренов, 2013,

с.110]. Как это ни парадоксально, но в последнее время судьба России вновь предстает столь же неопределенной, какой она в свое время представлялась П. Чаадаеву. От Запада она отходит, но и Востоком не становится. Единение с Востоком опять-таки разворачивается на уровне экономики.

Социальный заказ культурологам на разработку новой системы идеологии от нынешней российской власти не поступает. Конечно, под идеологией не следует понимать ту политическую идеологию и цензуру, которые так отталкивали от России и способствовали ее демонизации. При разработке этой идеологии культурный фактор должен доминировать. Между тем в последние годы в среде культурологов был совершен настоящий погром. Власть, видимо, разделяет точку зрения, в соответствии с которой с помощью экономики и рынка можно разрешить все проблемы и противоречия. Но это устаревшая и нежизнеспособная точка зрения. Да к тому же и успехи нашей власти на ниве экономики невелики. Если до сих пор политика преобладала над культурой, то и сама идея культурно-исторического типа реализованной не была. Об этом и свидетельствует история России как культурно-исторического типа. Но если она не была реализована до сих пор, то, может быть, она может быть реализованной в будущем, если, конечно, политика и экономика будут учитывать, что без культуры реформы позитивными быть не могут. Только под культурой не следует подразумевать фасад империи в ее новой форме, чем у нас увлекаются. Так что идеи Н. Данилевского отправлять в прошлое и улавливать в них лишь исключительно исторический смысл рано. Возможно, они обращены в будущее. Их вовсе не следует понимать как призывы к обострению отношений между Россией и Западом и усилению милитаризации. Эти отношения следует направлять в русло разворачивающегося между этими культурно-историческими типами диалога.

Литература

- Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. Томск.: Водолей, 1996. – 160 с.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1997. – 540 с.
- Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 6. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 592 с.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 1991. – 596 с.
- Солженицын А.И.* Публицистика. В 3-х т. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995а. – 720 с.
- Солженицын А.И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А. Публицистика. В 3-х т. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995б. – 720 с.
- Соловьев В.С.* О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889, № 1.
- Соловьев В.С.* Россия и Европа // Соловьев В. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1989. – 892 с.
- Страхов Н.Н.* Последний ответ г. Вл. Соловьеву // Русский вестник. 1889, № 2.
- Хренов Н.А.* Мировые войны XX века взглядом из XIX века: ментальный аспект // Acta eruditorum. СПб., РХГА, 2014. Выпуск 14. – С.19–26.
- Хренов Н.А.* Русская культура на перекрестке Запада и Востока. Россия – подсознание Запада. Восток как подсознание России // Искусствознание. М., 2013, № 3–4. – С.110–148.